

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 59(1840)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья А. Ильницкого и М. Ленченко «Будущее России и самодержавие для XXI века», опубликованная на сайте газеты «Завтра», 27 мая 2020 года. Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/budushee_rossii_i_samoderzhavie_dlya_xxi_veka.

Вологда
июнь 2020

Будущее России и самодержавие для XXI века

Андрей Ильницкий и Мария Ленченко о социальной империи

Глобальный социально-экономический кризис, спровоцированный коронавирусом, показал слабость существующих механизмов солидаризации общества и власти. Социологические опросы, анализ российских СМИ и социальных сетей показывают рост недоверия к властным структурам. Данные ведущих исследовательских социологических групп (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр) демонстрируют тренд на расширение разрыва между властью и обществом. По данным Фонда «Общественное мнение», за период с 5 апреля по 3 мая 2020 г. количество людей, считающих что президент «работает на своём посту скорее хорошо» упало с 67% до 61%, а «скорее плохо» увеличилось с 18% до 24%. Рейтинг доверия к президенту за истекший месяц упал с 63% до 57%, а недоверие возросло с 25% до 31%[1]. По данным Левада-центра только за март-апрель 2020 г. показатель доверия к президенту снизился с 83% до 68% (то есть на 14%). Наблюдается неустойчивость и уменьшение лояльной части электората[2].

Особенно явственно это проявилось в социальных сетях и СМИ, аудитория которых, не будучи репрезентативной по выборке, активно влияет на настроения всего общества. По данным системы мониторинга «Крибрум», 71% пользователей российских сетей негативно оценивает работу властей в части мер, принятых в связи с коронавирусом. Деятельность правительства по купированию последствий кризиса отрицательно оценивают 60% пользователей сети[3].

Таким образом, коронавирус обострил кризис доверия между властью и обществом, а «самоизоляция» лишь усугубила атомизацию. Необходимо проанализировать и найти социальные механизмы, способные обеспечить солидарность и единение власти и общества. Русский учёный Дмитрий Менделеев писал: «Разрозненных нас сразу уничтожат, наша сила – в единстве, воинстве, благодушной семейственности, умножающей прирост народа, да в естественном росте нашего внутреннего богатства и миролюбия»[4]. Актуальность мысли Менделеева трудно переоценить.

Кризис будущего

К сожалению, внятного контура будущего сегодня не предъявлено. Политические элиты продемонстрировали несостоятельность, действуя рефлексивно, отставая от событий, не будучи способны формировать повестку на основе стратегических национальных интересов. Более того, в режиме странного умолчания «задвинуты» стратегические и активно пропагандировавшиеся ранее программные документы.

Вспомним «Стратегию-2020», разработанную в конце «нулевых» годов, которая так и не была реализована. Вместо ожидаемого роста ВВП на 64–66% рост за более чем 10 лет составил лишь 5,8%, вместо увеличения реальных доходов населения на 64–72% отмечено их сокращение на 5%, вместо снижения уровня бедности с 13,14% до 6–7% показатель опустился лишь до 12,7% в конце 2019 года[5]. Анализ причин неисполнения этой важнейшей программы, как и части положений, принимавшихся позднее в 2012 г., проведён не был. По крайней мере, нам он неизвестен и до общества не доводился, что является дополнительным фактором снижения доверия к власти.

Таким образом, от «формулирования будущего» элиты самоустранились. Ответственность за стратегию и оперативное решение по выходу из кризисов переложили на президента и – отчасти – на общество, которое, по их мнению, должно проявить разум, понимание и почему-то нужным образом самоорганизоваться. Экспертное же обеспечение политики почти полностью свелось к пиар-оформлению выступлений главы государства. Причина не только в сервильности, но и в отсутствии системы по-настоящему влиятельных мозговых центров, так в полной мере и не сложившихся в новой России.

Хроническая болезнь правящих элит – непонимание важности стратегии и неспособность к ней. Их рефлексивная, а порой просто пораженческая позиция по факту вычеркивает бюрократию из авангарда, который должен вести в будущее.

Кризис целеполагания носит глобальный характер. Пандемия коронавируса обнажила хрупкость ценностных приоритетов человечества. Выдающийся социолог и философ современности Зигмунд Бауман ещё в 2017 г. отмечал: «Мечта западного человека о “лучшей жизни” расторгла свой заключённый на небесах брак с будущим. А в процессе развода мечту ещё и превратили в товар, пустили по потребительским рынкам, гнусно обобрали»[6].

Коронавирус выявил острый кризис социальной и культурной идентичности. Неспособность государств обеспечить защиту населения от глобальных проблем (как антропогенного, так и естественного характера) имеющимися инструментами и ресурсами привела к подрыву политики глобализации. Возникновение экономико-социального кризиса закономерно, хотя формы, в которых он проявился, и не были ранее свойственны политическим системам. Исходными точками стали: кризисное состояние мировой экономики, невозможность дальнейшего поддержания спекулятивной финансовой системы капитализма в прежних условиях без изменений механизма и пропорций изъятия инвестиционных ресурсов; кризис политики альянсов, глобальных и региональных наднациональных структур (ООН, ВОЗ, НАТО, ЕС, АСЕАН и других), которые не справились с ролью двигателя глобальной мобилизации и переформатирования мира перед лицом угрозы.

Отдельно отметим кризис социальной модели, в которой опорой был «средний класс». Она перестала быть драйвером развития задолго до возникновения пандемии и маловероятно, что её возможно оживить по окончании коронакризиса. Ещё в 2011 г. в фундаментальном труде «Национальный стратегический нарратив», опубликованном в США за подписью «Мистер Y» говорилось: «У нас нет ответа на фундаментальный вопрос, который задают всё больше и больше наших сограждан. Куда идёт наша страна, каково её место в будущем мире? Какова цель? Как мы туда доберёмся? Какие путеводные звезды будут для нас ориентиром? Наши падающие дороги и мосты отражают падающую уверенность в себе. Наши реформаторы образования часто, кажется, отчаиваются, что мы когда-нибудь сможем эффективно воспитать новое поколение для экономики

XXI века. Наша система здравоохранения всё больше отстаёт от других развитых стран»[7]. Уже тогда говорилось о сочетании двух факторов в глобальном кризисе: с одной стороны – эффект синхронности экономических и политических кризисных тенденций и тотального характера эрозии системных глобальных институтов, с другой – формирование гибридного политико-экономического пространства, в котором политические, экономические и социокультурные аспекты развития становятся неразделимыми[8].

Итак, налицо глобальный структурно-коммуникационный сбой. Под угрозой коронавируса государства вынужденно приостановили производства и закрыли границы, экономическая политика, в основе которой лежат процессы глобализации – упрочение взаимозависимости национальных экономик в связи с увеличением скорости движения и объёмов товаров и услуг, технологий, капиталов, а также рабочей силы через государственные границы, – оказалась вне игры.

Кризис институтов

Проявился разрыв обратной связи между обществом и властью, остановились социальные лифты. Известный итальянский политолог и аналитик, президент Международного института глобальных анализов Vision & Global Trends Тиберио Грациани отмечает: «Меня крайне удручает слабая солидарность, проявляемая Европейским союзом, его задержка с планированием помощи таким странам-членам, как Италия и Испания. Нынешняя пандемия обнажила хрупкость государств, по крайней мере, западных, их подчинённость владельцам крупных наднациональных цифровых инфраструктур и корпораций...».

Слабость традиционных политических институтов – партий и общественных движений – проявилась и на Западе, и в России. Где были партии от Единой России до КПРФ и других, где ОНФ, общественные палаты, СПЧ и тому подобные структуры, которые должны были консолидировать и отмобилизовать население в период коронакризиса? Эту работу переложили на президента, исполнительную власть и СМИ, а общественно-политические институты оказались аутсайдерами.

Система демократии, которая базировалась на обеспечении взаимной ответственности и доверия

власти и общества, повсеместно впала в глубокий кризис. Люди перестали чувствовать, что влияют на власть. Таким образом, разрушена система обеспечения лояльности общества и власти, в основе которой лежали принципы убеждающей коммуникации, направленной на формирование у объекта (в данном случае общества) доверительного отношения к субъекту (власти).

Поспешный переход России, вслед за Западом, к информационному обществу лишь усугубляет риски. Мы живём во времена, которые аналитики уже называют «эпохой постправды». Происходит колоссальное увеличение объёма потребляемой информации, в которой человеку всё сложнее разобраться. Люди воспринимают информацию лишь на уровне заголовков, не вдаваясь в детали и суть. По данным ВЦИОМ, лишь каждый второй россиянин заявил, что в состоянии отличить правду от лжи[9], а в правдивость чиновников (по данным Левада-центра) верят лишь 12%[10].

Распад истины представляет собой одну из ведущих мировых тенденций. А если истины нет, то возможно всё. Пандемия коронавируса блестяще продемонстрировала эффективность технологии манипулирования общественным сознанием – миром правил паранойя и страх.

Что делать для обеспечения доверия и – как результат – лояльности? Можно понуждать к лояльности, выстраивая механизмы тотального контроля. Это система доминирования, при которой за каждым объектом общества – от личности до социальных объединений – устанавливается наблюдение. Проверенная, но крайне затратная и потому недолговечная система. Альтернативой является создание мотивирующей системы добровольной лояльности, которая базируется на доверии между властью и социумом на основе общих целей, ценностей и вытекающем из этого солидарном действии. Для формирования мотивирующей системы необходимо (вспомним Менделеева[11]) искать точки кристаллизации социально-экономической ткани на новых основах солидарности – в территориальном, экономическом и социальном измерении.

Одним из уроков коронакризиса должно стать новое пространственно-территориальное освоение страны, потому что в конце концов сбалансиро-

ванное пространственное распределение населения – элемент национальной безопасности. Наши пространства – возможность рассредоточиться, отойти вглубь от наступающей беды, перегруппироваться и наступать с новой силой – это то, что спасало нас веками, спасает и теперь, в эпоху коронакризиса.

Провинция и её ресурсы – опора страны. Целесообразно пересмотреть политику развития территорий – перейти от укрупнения и концентрации к разумному рассредоточению, где в приоритете местные школы, детские сады, магазинчики, поликлиники, ФАПы, малый бизнес, спортзалы и дворовые площадки, то есть действовать в режиме обеспечения высокого социального стандарта шаговой доступности. Можно сказать, что это и формирование своего рода «социальных убежищ» на случай кризиса.

Стратегия концентрации ресурсов в мегаполисах противоречит цивилизационному коду России и закладывает социальную бомбу под наше будущее.

Отсутствие социально-пространственного мышления в политике ведёт к тому, что территории теряют население, формируются социальные пустоши, создаются «пояса отчуждения» городов-спутников и пригородов, населённых пауперами, зачастую этноокрашенными. Сейчас в двух опорных мегаполисах – Москве и Санкт-Петербурге – генерируется треть ВВП России[12]. Но любая конструкция устойчива, когда есть минимум три опоры. Третьей должны стать города и территории развития Сибири и Дальнего Востока, где уже имеются многие виды ресурсов, промышленный и научный потенциал, но наблюдается дефицит кадров и управленческих компетенций, а также главная проблема и угроза – депопуляция.

Социологи отмечают – сегодня большой город отождествляется с политической альтернативой государству. Возникает утопическая картина мира, где мегаполисы обладают собственными политическими ресурсами и политической властью. А регионы остаются безвластными, возникает неравенство, создающее угрозу национальной безопасности.

Кризис «скупченного» проживания, обострившийся при эпидемии коронавируса и самоизоляция

ции населения, вернул к жизни, казалось, давно забытое решение. Развитие городских агломераций, изучением которых занимаются социальные науки, подразумевает наличие определённой структуры застройки не только с точки зрения архитектурных и инженерных особенностей, но и социально-экономического развития территории. Морфология территории должна строиться на приоритете социального стандарта шаговой доступности, а именно, наличия различных социально-значимых объектов (поликлиник, больниц, образовательных учреждений, домов культуры), жилых районов и тому подобного, а также элементов природного ландшафта территории.

Для обеспечения национальной безопасности необходима встроенная в систему государственного управления социально-экономическая модель мобилизационного типа, дублирующая/страхующая на случай возникновения разного рода гибридных кризисов, наподобие коронавируса или техногенных сбоев в будущем. Для начала возможно введение в официальный оборот такого понятия, как социоинформационная устойчивость государства и его территорий. Она определяла бы способность государственных и социальных структур сохранять дееспособность в условиях киберугроз, в том числе сопряжённых с негативными информационными кампаниями, поводом для которых могут быть бедствия разного рода, например, эпидемии.

Мы можем многое позаимствовать из опыта советской системы (градостроение, жилищная политика, система гражданской обороны и так далее), которая была основана на обеспечении социального стандарта по месту жительства. Рациональные принципы экономического планирования определяли также и пространственную организацию городских поселений.

Идеи рационального многослойного социально-территориального планирования должны быть взяты за основу при формировании понятного обществу образа будущего. Россия – цивилизация пространства, простора, так формировались наши ценности и наш образ мышления. «Скученность» и концентрация не соответствуют русской психологии.

Империя народовластия

Необходима национализация экономического роста, затруднённая в существующем геоэкономическом контексте доминированием финансово-инвестиционной либеральной модели. Отчётливо виден запрос на переосмысление социально-территориальной политики в направлении единого стандарта жизни, пронизывающего все её составляющие. После эпидемии коронавируса аргументы о необходимости осваивать просторы за Уралом (Сибирь и Дальний Восток) звучат по-новому.

Высокое внутреннее напряжение, связанное с удержанием огромных неоднородных пространств, постоянное пребывание России в гуще геополитической борьбы делают задачу консолидации общества и власти, обеспечения национальной безопасности и развития государства важнейшей и решающей сегодня. Необходима качественно более прочная устойчивость социальной структуры.

Русский философ Василий Розанов писал: «Единственный порок российского государства – это его слабость. Слабое государство не есть уже государство, а просто его нет. Модель «Россия будущего» – социальная империя, основанная на принципе «самодержавия» не в смысле восстановления монархии, а в смысле истинного народовластия, где мы – россияне – во главе с сильным лидером сами себя держим. Это категорически подкрепляет запрос на суверенность, стратегическую осознанность и комплексность государственного управления, аккумулирующего внутренние и внешние факторы роста России. Для реализации этой модели необходима новая стратегия социально-политического и пространственного устройства, базирующейся на трёх составляющих – безопасности, сбережении народа и территориально-экономической эффективности. Конституционное положение о народовластии должно реализовываться через единство вертикали власти всенародно избранного национального лидера и горизонтали власти, вытекающей из действенного местного самоуправления.

Элиты национализируются, бюрократия ставится на службу Отечеству и не обладает политическими полномочиями.

Обратная связь осуществляется через инициированное президентом РФ собрание лучших людей страны – лидеров общественного мнения, актива местного самоуправления: учёных и инженеров, аграриев и рабочих, студентов и учителей, врачей и священнослужителей, силовое и военное сословие, заслуженных ветеранов и великих спортсменов, героев России и простых тружеников – представителей всех народов многонациональной страны. Это собрание носит как учредительный, так и институциональный характер.

Построение «социальной империи», основанной на самодержавной традиции и высоком социально-территориальном стандарте качества жизни, обеспечивающей населению равный доступ к бесплатной современной медицине, фундаментальному образованию и безопасной инфраструктуре в шаговой доступности. Способность государства через обратные связи и диалог с обществом сформировать привлекательную модель социального устройства обеспечивает экономическую и технологическую самодостаточность России. Это – важнейшая задача текущего периода нашей истории. Решив её, Россия станет державой, задающей социальный образец для мира.

Андрей Ильницкий

*действительный государственный
советник 3 класса, член СВОП*

Мария Ленченко

политолог

[1] Данные отчёта «Доминанты. Поле мнений. Фонд «Общественное мнение. 07.05.2020.

[2] Данные отчёта «Одобрение институтов власти и доверие политикам» Аналитического Центра Юрия Левады.

[3] Данные отчёта ОАО «Крибрум» от 07.05.20.

[4] Д.И. Менделеев «Заветные мысли». 1905.

[5] Страна несбывшихся программ: почему провалилась Стратегия-2020? / Комсомольская правда. 09.11.2019.

[6] Бауман З. Ретропия /Пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А.Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.

[7] A National Strategic Narrative 2009.

[8] Евстафьев Д.Е., Ильницкий А.М. Глобальный кризис как «запал» геоэкономических трансформаций: вызовы для России / Международная жизнь, 2019.

[9] Люди в цифре. Эпоха постправды / Доклад ВЦИОМ. 14.06.2019.

[10] Более половины россиян обвиняют чиновников во лжи о положении дел в стране /Ведомости. 10.02.2019.

[11] Д.И. Менделеев «Заветные мысли». 1905.[12] Большая часть проживает на западных территориях, а в северных и дальневосточных территориях наблюдается стабильный отток населения. Статистика говорит сама за себя: основная полоса расселения России – это 3,8 млн км² (35% площади), на которых живёт 126 млн человек (85% населения), на остальных 13,3 млн км² зоны Севера (65% площади) живёт 21 млн человек (15% населения). Из 146,5 млн человек населения России 108,7 млн человек составляют городское население (74%), а 37,9 млн чел – сельское население (26%). В 15 крупнейших городах России живет 33 млн человек (23% населения), в том числе в Москве и Санкт-Петербурге – 17,6 млн человек (12%).